

Поморский зверобойный промысел с позиции международного права коренных народов

Зверобойный промысел долгие годы был одним из важных источников самого существования поморского населения Архангельской области. Вопрос о признании поморов в качестве коренного малочисленного населения стоит бок о бок с правом местного населения на традиционное рыболовство и охоту на морских млекопитающих. Несмотря на то, что поморское население не признано в качестве коренного малочисленного народа на территории Российской Федерации, с позиции международного права поморы вполне могут претендовать на этот статус, так как их самосознание, образ жизни, глубокое укоренение на конкретной территории, особые культурные и религиозные обычаи, равно как и язык, могут давать им право на это [Xanthanki, 2007]. Тем более, что в Едином перечне коренных малочисленных народов существуют аналогичные этнические группы [7], которые также могут быть отнесены скорее к субэтническим и этнографическим группам, нежели к самостоятельным народам с позиции этнологов (например, кереки [3] или нагайбаки [Исхаков, 1994]). Но это не вопрос права, а скорее результат политической воли Правительства РФ, а также, вполне возможно, серьезных дискуссий со стороны ученых различных областей науки. К слову, даже не относя поморов к коренному малочисленному народу, было бы разумно обратиться к практике регионального законодательства. Как, например, в Якутии, где республиканская власть в своих законодательных инициативах пришла к тому, что в 2004 году распространила действие 82 федерального закона о гарантиях прав коренных малочисленных народов (в соответствии с п.3 статьи 3) на русское арктическое старожильческое население: русскоустыинцев и походчан [1]. Также уместно отметить тот факт, что, даже не признавая в качестве коренного народа, государство должно учитывать их права в качестве языкового и культурного меньшинства (72 федеральный закон, статья 1 [5]; п.1 статьи 26 Конституции [4]).

Зверобойный промысел, наряду с китобойным, с позиции международного права коренных народов относится к категории культурных прав аборигенных сообществ. Существует принципиальная разница между коммерческим и традиционным зверобойным промыслом. Международная китобойная комиссия выделяет китобойный промысел в интересах коренных сообществ как правомочный и неотъемлемый, причем не только с позиции удовлетворения их пищевых потребностей, но и с целью защиты культурных прав [Lenzerini, 2008]. Комитет по правам человека в своем комментарии к статье 27 Международного пакта о гражданских и политических правах недвусмысленно намекает на то, что деятельность (промысел) национальных и этнических меньшинств является выражением их культурных особенностей, которые должны быть под защитой государства [8].

Основным объектом поморского зверобойного промысла являлся гренландский тюлень. По поводу возраста особей этого морского млекопитающего, которые использовались в качестве объекта для промысла, в свое время велись ожесточенные споры. Первоначально в общественно-политической среде ставился вопрос о защите белька – новорожденного детеныша, что вполне оправданно с точки зрения существующих международно-правовых стандартов в области защиты окружающей среды. Однако полный запрет на промысел всех особей этого животного может быть расценен как нарушение культурных прав конкретной этнокультурной группы, тем более, что именно серка – половозрелый тюлень был объектом поморской охоты [6].

Представляется важным пересмотреть концепцию полного запрета зверобойного промысла в Архангельской области с целью защиты прав местного этнокультурного сообщества, которое за 3 года с момента запрета промысла не получило никаких компенсаций и субсидий для развития промысловых альтернатив.